

В РУКАХ РАУЛЯ АБЕЛЬИ

www.bmc.cat

За последние годы Испания достигла выдающихся результатов в области медицины, что позволило сделать эту страну популярным в Европе направлением медицинского туризма. Ежегодно на лечение в Барселону приезжает около 20.000 пациентов со всего мира. «Русский журнал» открывает серию статей, посвященных выдающимся личностям медицинского мира, благодаря которым Барселона стала международным центром медицинского туризма. С авторитетами каталонской медицины читателей журнала знакомит Ольга Соловьева, генеральный представитель Ассоциации ведущих госпиталей Barcelona Medical Agency и директор Barcelona Medical Consulting — компании, ответственной за обслуживание иностранных пациентов в госпиталях Барселоны и развитие международных отношений между представителями медицины Каталонии и других стран.

Доктор Рауль Абелля — шеф отделения детской кардиохирургии государственного университетского госпиталя Vall d'Hebron и зав. отделением детской кардиохирургии университетского госпиталя Dexeus, глава трансплантации «Детского сердца Каталонии». Со средним уровнем Aristotle Score 8,1 и выживаемостью 98%, почти четырьмя десятками успешно проведенных трансплантаций, это один из самых блестящих детских кардиохирургов мира. Доктор Рауль Абелля каждый год держит в своих руках сердца 400 детей. Буквально. Это прекрасные руки: руки одного из самых признанных детских кардиохирургов в мире. Ольга поговорила с ним об операциях, прогрессе в кардиохирургии и любви кардиохирурга к России.

► **Рауль, почему детская кардиохирургия?**

А разве есть что-то более красивое и важное, чем это? Пожалуй, трудно придумать что-то более красивое.

Вот это и есть ответ. Когда я учился на четвертом курсе медицинского факультета,

я прочитал книгу Кристина Барнарда о трансплантации сердца у детей. И влюбился в эту специальность.

► **Помните своего первого пациента?**

Как не помнить! Конечно, я помню и ребенка, и операцию. И еще помню его родителей. Когда я к ним вышел и сказал, что только что закончил операцию у их ребенка, они были напуганы: мне было 24 года, а выглядел я и того моложе. Ни одному родителю не хочется, чтобы их малыша оперировал начинающий хирург. Это совершенно понятно и нормально: мы говорим о специальности, где речь идет о жизни и смерти. Что касается уровня ответственности, это страшная профессия. Сегодня в самых лучших госпиталях мира, в том числе Boston Children's Hospital или у нас в отделении, смертность составляет всего 2%. Цифра маленькая, но и она означает, что в год даже в лучшем в мире Бостонском госпитале умирает во время операций на сердце 20–30 детей. Если у меня умирает ребенок, то мне до сих пор очень трудно это переносить. К счастью,

такое случается очень и очень редко. А возможность помочь и спасти ребенка почти всегда компенсирует эти исключительные случаи.

► **Прогресс в детской кардиохирургии в последние десятилетия выдающийся. В 70-е годы операционная смертность составляла 30%, в 80-е — 10–15%... Сейчас можно спасти почти любого ребенка с врожденным пороком сердца. Благодаря чему такой прогресс?**

Из тысячи младенцев восемь детей появляются на свет с врожденным пороком сердца. В западном мире это первая причина детской смертности! В менее развитых странах — вторая после инфекций. Из этих восьми детей с пороками сердца 30% можно спасти только оперативно. Мы стараемся оперировать детей как можно раньше: доказано, что более ранняя операция способна предотвратить серьезные ограничения качества жизни и общего развития. Поэтому количество детей младше года — это 61% от всех моих пациентов. В настоящее время удается лучше оперировать этих детей благодаря целому

ряду факторов: организационных, технологичных... Например, как в США, так и в Испании, все сложные случаи отправляются только в референтные госпитали, где их оперируют врачи, доказавшие, что они лучшие. Помимо прогресса в технологиях, методиках, лекарствах, реанимационных методах, очень важное значение имеет ранняя диагностика. В Испании более 95% врожденных пороков сердца обнаруживаются еще в утробе матери. Это позволяет все организовать так, чтобы мама рожала в специализированном центре, в котором наготове находилась лучшая команда врачей...

► **Рауль, мне очень часто приходится слышать от неспециалистов об «уникальных методиках» доктора такого-то. Или иногда даже от специалистов разных стран — горделивое и окончательное «мы тоже это делаем». Но самое главное сейчас в медицине — это не просто ЧТО, а КАК. Поскольку практически все ценное быстро перенимается другими странами. Настоящая разница между специалистами почти всегда заключается именно в КАК. Т.е. в том, с какими РЕЗУЛЬТАТАМИ вы делаете то или другое.** Детская хирургия в этом смысле отличается от большинства медицинских профессий, поскольку у нас практически всегда можно четко

определить профессиональный уровень команды, которая будет оперировать ребенка. И это правильно. Потому что в этой ситуации у родителей должны быть максимальные гарантии. В США, например, каждый год публикуют Aristotle Score и выживаемость у всех кардиохирургов, а также составляют объективный рейтинг лучших специалистов. Когда родители доверяют жизнь своего ребенка врачу, у них должна быть максимальная уверенность в том, что они отдают самое дорогое в лучшие руки.

► **Aristotle Score. Система «Счета Аристотеля» возникла в 2004 году... Ее разработка была ведь инициирована американскими страховыми компаниями, которые решили, что будут оплачивать страшно дорогие в США кардиохирургические операции в зависимости от объективного уровня сложности проведенной операции. И соотнося этот уровень с результатами. Всем было понятно: ты можешь рапортовать, что у тебя выживают 99% оперируемых детей, но если ты оперируешь самые элементарные вещи и не берешься за сложнейшие, то твои результаты не показательны вообще! В США Aristotle Score обязателен для публикации. А в Европе?**

Мы настаиваем на том, чтобы публикация результатов Aristotle Score была обязательной и в Европе. Европейское Общество Кардиохирургии обязывает к этому лучшие центры, но тем не менее, большинство европейских стран не публикуют эти отчеты в свободном доступе. В Испании ты можешь посмотреть на показатели сложности проводимых операций у лучших детских кардиохирургических команд в стране, которые работают на государство: они регистрируются и обязательно проходят аудиторскую оценку разных комиссий. Собственно, без этого метода было бы трудно определить, какой госпиталь является референтным в стране по уровню сложности проводимых операций.

► **Ваш Aristotle Score самый высокий в Испании и один из самых высоких в мире: средняя сложность проводимых вами операций составляет 8,1 по шкале Аристотеля (сложнейшие случаи), при этом выживаемость —**

98%, а продолжительность нахождения в реанимации — три с половиной дня...

Благодаря чему это возможно? Дару? Подготовке? Организации? Команде?

Всеми этому в равной степени! Отличная организация и команда совершенно незаменимы в особенно сложных случаях. Например, в государственном госпитале, где мы оперируем, недавно было проведено десять операций (две из них сердца!) за 24 часа. Наверное, такое возможно только в Испании.

► **А что самое главное в кардиохирурге?**

Полная отдача. Если ты выбираешь этот путь, ты должен этим жить. Быть готовым к очень длительному обучению и пониманию того, что впереди будут ошибки, которые дорого стоят.

► **Для кардиохирурга отличной цифрой является 150 операций в год. Вы же обладаете вообще уникальной выдержкой. Каждая операция длится около 5–6 часов...**

Сколько детей вы лично оперируете?

400 детей в год. Если это сложные операции длительностью 7 часов, то я провожу одну в день. Если операция длится не более 5 часов — часто две в день. Кардиохирург должен быть еще и физически сильным. Это как ехать из Барселоны до Мадрида на скоростном поезде AVE — туда и обратно, но только стоя. И с максимальным вниманием, сосредоточенностью. Отойти здесь никуда нельзя, присесть тоже. Но самое главное все же не это... Главное в хирурге — человечность. Я всегда даю номер моего мобильного телефона родителям всех детей, которых я оперирую. У них должна быть уверенность, что я всегда буду рядом.

“ Главное в хирурге — человечность. Я всегда даю номер моего мобильного телефона родителям всех детей, которых я оперирую. ”

► **Об этой близости к пациентам ходят легенды. Говорят, бабушка одного русского мальчика, которого сначала оперировали в Германии, а потом привезли к вам, никак не могла поверить, что человек, который приходит их навестить в гостиницу после выписки — это и есть «великий хирург», она вас сначала приняла за социального работника...**

Да, было дело. Получилось довольно забавно!

► **Кстати, сколько иностранных пациентов приезжают к вам в год на операции?**

Около 40 из 400 пациентов в год — это дети из других стран. Как правило, это пациенты с очень сложными случаями, поскольку сейчас практически везде можно вполне достойно разрешить случаи средней тяжести. Операции этих детей, как правило, оплачивают либо правительства разных государств, либо благотворительные фонды. Родители, которые смогли этого добиться — потрясающие люди, которые будут бороться до последнего за своего ребенка, и перед ними можно только снять шляпу. В государственном госпитале, в котором я работаю по утрам, мы не можем оперировать иностранных пациентов. Их мы оперируем всегда в Дешеусе — единственном частном, но при этом университетском госпитале. Здесь со мной работает та же команда, что и в государственных программах, но уровень послеоперационного ухода за пациентом еще выше:

в реанимации к каждому пациенту прикрепляют личного реаниматолога и медсестру.

► **Вы недавно подписали соглашение с одним из самых крупных и уважаемых Российских благотворительных фондов о том, что будете предоставлять лечение для самых сложных случаев из России по особой стоимости.**

При этом оплачивая проживание для этих детей после операции с помощью средств ассоциации «Сердце Барселоны», которую вы возглавляете. Я-то знаю, что идея родилась неспроста. И что здесь большую роль сыграли ваши кубинские корни... Расскажите о вашем отношении к России.

Мои бабушки и дедушки были каталонцами, но вырос я на Кубе. Там, на острове без русской помощи было невозможно. Поэтому русские люди всегда ассоциируются у меня с помощью, благородством, щедростью. Советский стиль, кстати, сформировал много хорошего: дисциплину, уважение к общему благу, к государству...

Другое дело, что этот же стиль пагубно отражается на творчестве, на здоровой конкуренции. В общем, русских людей я люблю, знаю, восхищаюсь и всегда буду им благодарен. Так что, когда я познакомился с дирекцией важного фонда, мне захотелось такую программу создать. И всю команду удалось этой идее увлечь. И каталонских родителей, которые входят в ассоциацию и которые будут оплачивать проживание. Мне показалось, что вместе с программой по обмену опытом с российскими специалистами это меньшее из того, что я могу сделать. Кстати, мне кажется безнравственным называть такие ситуации медицинским туризмом. Это просто медицинское взаимодействие. В котором обязательно должны принимать участие лучшие врачи из обеих стран... Ольга, почему вы

не спросите меня о том, что я думаю о российской медицине?

► **Боюсь, что вопрос и ответ может быть не совсем политкорректным...**

А мне кажется, не нужно этого бояться! Я могу ошибаться: не так много я в России бывал, но все же кое-что видел. И с коллегами регулярно встречаюсь. Так вот: Россия — великая страна. Страна с блестящей историей, страна, которая летает в космос или имеет инженеров для тех же военных объектов, не может не иметь хороших врачей. Другое дело, что, как мне кажется, в России пока не налажена правильная и прозрачная система оценки и контроля за результатами, нет здоровой конкуренции.

На создание соответствующих механизмов понадобится время.

► **Рауль, я знаю, что Вы помните всех пациентов, но расскажите один случай, который особенно запомнился.**

Или который чему-то научил.

Выберу случай, который научил. После того, как я отучился на Кубе, я поступил на специализацию в Риме. Там и работал много лет в Bambino Gesù, а потом в San Donato в Милане. Затем были Швейцария, Франция, снова Италия, и наконец, Испания. Страна, кстати говоря, с самым высоким уровнем трансплантаций в мире. В общем, я путешественник. Так вот, почему-то для меня самые яркие истории всегда складывались в путешествиях. Однажды, когда только начинал, я иногда принимал пациентов в Палермо. И вот там был один маленький мальчик, которого никто не хотел оперировать: все считали, что случай неизлечимый. Мне показалось, что стоит попробовать, но в Палермо для этого не было соответствующего оборудования... Я стал звонить

в соседний госпиталь в Модене, но нам отказались предоставить операционную. Да и доставлять ребенка в таком состоянии все отказывались. Тогда я стал звонить в Армию, чтобы его отвезли на армейском самолете, но народ услышал мой кубинский акцент, и командование отказалось... Тогда я стал добиваться перевозки у Префекта — опять без результата. Тут у меня просто начался кризис вины. Мне казалось, что можно что-то сделать. Но у меня не получилось это организовать! Все-таки мы не сдались... В конце концов удалось убедить армейское руководство, и на военном самолете ребенка привезли в Модену, где я его прооперировал... Сейчас этот мальчик здоров. С ним я получил хороший урок: никогда нельзя опускать руки, нужно стучаться во все двери и всегда бороться до конца!

► **О том, что нельзя опускать руки... Совсем недавно во всех газетах было ваше фото с маленькой девочкой Даниелой, которую вам удалось реанимировать без каких-либо последствий для ее здоровья после 39 минут остановки сердца.**

Это одно из чудес, которые случаются в нашей профессии. Дело не только в умении или упорстве команды, а также в том, что Даниела как-то захотела нам помочь. Я не знаю, сам не понимаю, как такое может быть: нормальное время, которое может выдержать ребенок с полной остановкой сердца — четыре-пять минут. Я человек нерелигиозный, но чудеса я видел. И чудеса в прямом смысле слова: несколько раз я видел детей в тяжелой коме, которые уже были определены как доноры на трансплантацию сердца... и прямо перед операцией приходили в себя... И чудеса человеческой любви, преданности и героизма. С этим я встречаюсь часто в моей профессии.

“Никогда нельзя опускать руки, нужно стучаться во все двери и всегда бороться до конца!”